

Арабская экспансия и трансформация ислама из национальной религии в мировую

Вагабов М.В.

В статье затронуты проблемы арабской экспансии, начиная от мединского периода и до правления халифатом Харуна-ар-Рашида (786–809), т. е. до достижения пика, а дальше начинается полоса спада.

Ключевые слова: *язычники, Мухаммед, рашидун, Абу Бакр, Умар, Халиф-ал-Валид, мухаджир, шахид, джихад.*

This article discusses the problems of the Arab expansion, starting from the Medina period, and before the reign of the Caliphate of Harun-al-Rashid (786–809), i. e. before reaching the peak, and then begins a recession.

Keywords: *pagans, Muhammad, rashidun, Abu Bakr, Umar, Caliph-al-Walid, muhajir, shahid, jihad.*

*«И сражайтесь на пути Аллаха с теми,
кто сражается с вами, но не преступайте...»
Коран, II, 186.*

Практика человеческой истории является убедительным примером постепенного перехода от первоначальных родоплеменных отношений к более масштабным объединениям, от национальных общностей до мировых империй, союзов, коалиций, блоков, лагерей и т. д.

В этом процессе нет ничего сверхъестественного, под всеми этими явлениями лежит объективная закономерность. Таков магистральный путь в перспективе человечества, несмотря на существующие сегодня противоречия и субъективистические подходы.

В данном контексте в этой статье, мы в аргументированной форме хотим проанализировать место и роль исламского феномена и причины, ставшие в нынешних условиях одной из актуальных проблем в мировой геополитической жизни общества.

Проблема арабо-мусульманской экспансии привлекали к себе особое внимание при современных глобализационных процессах. Правда, вопрос «Запад», «Восток» с древнейших времен носит традиционный характер не только в формате противостояния христианского запада и мусульманского востока, но вообще восточной и западной со времен Троянской войны, А. Македонского и т. д. Еще в XIX в. Не случайно на это обратил внимание В. Соловьев: «Через всю жизнь человечества проходит великий спор Востока и Запада. Еще Ирод относит его начало к временным полуисторическим: первые проявления всемирной борьбы между Европой и Азией он указывает в событиях баснословных – похищении Елены из Лакодемона сыном троянского Приама. От такой древности этот спор достиг до наших дней, и он глубоко разделяет человечество и мешает его правильной жизни [1, с. 3]. Он был и остается вечным вопросом человеческого бытия и сознания с некоторыми переливчатыми тенденциями. По этой причине данный вопрос у истоков своего зарождения нуждается в экспликации, чтобы раскрыть сущность данного явления в процессе развертывания, в контексте прошлого и современно-

го. Здесь же следует отметить, что, несмотря на происшедшие качественные изменения в материальном и духовном мире человечества, идеи планетарной миссии ислама нельзя рассматривать как ретроспективные, они еще живучи и отдельных мусульманских авторов и поныне, особенно у представителей радикального мышления. Однако ведущей и перспективной тенденцией остается нахождения путей сближения, толерантности идеолога между цивилизацией, культурами и конфессиями.

Проблемы внешней экспансии арабов и превращение ислама из национальной религии в мировую взаимообусловлены, находятся в причинно-следственной связи.

Вначале, при жизни Мухаммада, сторонники нового социума занимались исключительно внутренними проблемами: урегулированием межплеменных отношений, укреплением социально-политического строя и позиций ислама на Аравийском полуострове. Мухаммаду и его сподвижникам, преодолев противоречивые тенденции между арабами, удалось создать целостное государственное образование с новой монотеистической религией. Теперь их взоры были обращены на окружающий их мир, и прежде всего на их богатых соседей.

Словом, объективные условия и субъективные факторы в консолидированной умме (джама) сложились до начала выполнения т.н. планетарной миссии, возложенной на Мухаммада Аллахом в аятах Корана: «Мы послали тебя только как милость для миров» (XXI, 107), «Ты не просишь у них за это награды. Это напоминание для миров» (XII, 104). Хотя в этих и других аятах Корана идея о планетарной миссии пророка не выражена в четком формате, в форме императива, но, тем не менее, это не помешало его сподвижникам – теологам ислама разработать концепцию, оправдывающую их экспансионистскую политику. Мухаммад, как последний пророк в истории общества, по своему статусу должен был выполнить возложенную на него сверху функцию – стать владыкой всего человечества.

По всей видимости, идеи о всемирной пророческой миссии Мухаммада получают свой резонанс после объединения арабов в единое государство и ряда успешных операций против соседних стран и особенно его сподвижниками. Теперь ведущей тенденцией в исламе становится проблемы внешней экспансии, а представители теологической мысли ислама, опираясь на коранические аяты и на изречения Мухаммада, открыто объявляют об идеях завоевания всего мира и установлении мирового мусульманского порядка, как выполнения божественной миссии.

Арабы начали свою экспансию не потому, что ислам у своих истоков явился религией, объявившей тотальную войну человечеству, как это объясняют многие авторы, имеющие поверхностное представление об этой религии или из чисто конъюнктурных соображений. На самом деле, если проанализировать сущность социально-экономических причин этого явления, то арабская экспансия вполне объяснима и ее содержание составляет закономерное следствие сложившихся в тот период объективных условий в арабской истории. Она как две капли воды схожа с подобными экспансиями в историческом процессе – Македонского, Цезаря, Кира, монголов и т. д. Не ислам является причиной арабской экспансии, а он лишь выступал в качестве субъективного фактора главных объективных процессов своей эпохи.

До образования Мединской уммы Мухаммад и сподвижники главным образом занимались урегулированием внутри арабских проблем и, прежде всего их консолидацией под знаменем ислама. Процесс этот проходил в сложнейших условиях борьбы с доисламскими традициями и обычаями. В мединский период мусульма-

не совершили 26 набегов на караваны, а пророк принимал участие в 19-ти из этих набегов.

Родоначальник новой монотеистической религии в свое время не представлял о грандиозных последствиях своего учения и не помышлял о превращении его в мировую религию. Он ставил ближайшую цель – объединение арабов в общенациональное государство на идейной основе ислама.

И. Гольдциер приводит высказывания Анатоля Франца в одном из своих рассказов, где он отмечает: «Редко основатель религии сознает великое всемирно-историческое значение своего создания», что эти слова в особенности применимы к Мухаммаду... Кругозор Мухаммада охватывал только ближайшие, современные ему формы жизни» [2, с. 34]. Среди наиважнейших для Мухаммада вопросов являлся вопрос преодоления родоплеменной раздробленности арабов в социальной и духовной сферах.

После смерти Пророка принявшие его веру развернули широкомасштабную экспансию против соседних стран и создали мировую империю с новой мировой религией – исламом.

В течение десяти лет с периода хиджры (622) до смерти Мухаммада в Медине (632) постепенно сложились объективные условия и субъективные факторы для развертывания широкомасштабных завоевательных операций против соседних богатых стран – Персии, Византии, Северной Африки, включая часть Испании.

Процесс исламизации населения отдельных регионов мира не является единым процессом и синхронным актом. Он проходил в самых различных и сложных исторических ситуациях, имел самые разнообразные формы и методы – насильственные и мирные, грубое насаждение и миссионерство и т. д. Пути распространения ислама были самые разнообразные, и они были обусловлены многими объективными условиями и субъективными факторами, которые складывались в том или ином регионе в зависимости от исторических обстоятельств. Однако насильственное насаждение ислама характерно для начального периода в его истории, а так во многих странах он распространялся мирным путем.

Арабо-мусульманская экспансия и процесс исламизации органически не делимы. Фактически одним из важнейших последствий арабских завоевательных походов или миссионерства в мире было распространение здесь ислама, который, вытеснив все формы домусульманских неудобных им культов (исключением «людей Писания»), установил свое господство в духовной жизни покоренных народов. Религия являлась идеологическим оправданием захватнического движения. Арабская экспансия сопровождалась миграцией – выселением арабов в некоторые завоеванные страны. Эти факторы в совокупности оставили глубокий след во всех сферах общественной жизни – экономической, социальной и духовной народов завоеванных стран. Таким способом ислам из чисто арабской национальной религии превратился в мировую интернациональную религию. Ислам, возникший как надплеменная монотеистическая религия арабов, после укрепления позиций на своей родине стал распространяться за пределами Аравийского полуострова, в азиатских и африканских странах. Эти завоеватели (арабы) объединили древние цивилизации Ближнего Востока, а также Северной Африки и Испании под единым управлением – впервые со времен Александра Македонского (356–323 гг. до н. э.). В состав Исламского государства вошли греки, берберы, копты, армяне, арабы, персы, тюрки, согдийцы, индийцы и китайцы. Исламский призыв вызвал сильнейший импульс в мире – импульс, продолжающей свое действие и поныне

на огромной территории от Марокко до Индонезии [3, с. 4]. В числе завоеванных арабами стран оказались отдельные регионы нашей страны и, прежде всего Кавказа. В пределы Кавказа ислам стал проникать в условиях арабо-мусульманской экспансии при «праведных» халифах Умаре (634–644), Усмани (644–656), Али (656–661), а при умейядской династии он значительно расширил здесь рамки своего распространения и укрепил позиции. А завершен был при династии Аббасидов в начале XIII в. Так, арабские завоеватели на территории Азербайджана появились в 639 г., в районе Дербента – в 642 г или же 653 г. [4]. Эти даты свидетельствуют о том, что арабская экспансия достигла пределов нашей родины в середине VII в., и тогда начался постепенный процесс исламизации населения в завоеванных районах. По масштабам завоеванных территорий арабские завоевания превосходили империю Александра Македонского и Рима, но по существу своему и социально-политическим целям они во многом были схожими. В орбите мусульманизации оказались и некоторые регионы Российской Федерации – Дагестан, Северный Кавказ и народы Поволжья и Приуралья. Приблизительно численность мусульманского населения РФ составляет около 14 % населения, т. е. около 20 млн.

Прежде всего, следует заметить, что проблема мусульманской экспансии, ее истоки, принятие ислама частью россиян и анализ ее социальных последствий пока еще в нашей литературе недостаточно изучены и нуждаются в самостоятельном монографическом исследовании. У нас нет возможности воспроизвести всю историю событий, а такую задачу не ставят перед собой авторы, поэтому ограничимся лишь социально-философским аспектом данной проблемы. Такой подход, безусловно, будет иметь большое теоретическое и практическое значение для экспликации исторических условий, форм и методов принятия ислама в отдельных регионах России, в контексте арабской экспансии.

Как и везде, на Кавказе распространение ислама, особенно в начальный период, сопровождалось насилием, грабежами, беспощадным подавлением сопротивления местных народов – иноверцев, разрушением их городов, поселений, храмов и т. д. Иначе и не могло быть. Ведь они совершали агрессию с определенной целью и конкретными задачами. Арабы пришли, прежде всего, не как освободители, а как завоеватели, чтобы завоеванные страны оказались в их подчинении. Об этом свидетельствуют многие исторические документы и главным образом сочинения самих арабских авторов: Ал-Баладзури (ум. в 882 г.), Ал-Йакуби (ум. в 897 г.), Ат-Табари (858–923), Ал-Масуди (ум. в 956 г.), Абу-Хамид ал-Гарнати (1080–1169), Ибн ал-Асир (1160–1234) и др. В этих хрониках подробно описываются, как и в каких удачах и неудачах проходили военные походы на территории нынешнего Дагестана, где на плоскостной части вдоль Каспийского моря жили хазары. В период нашествия арабов воевали не с дагестанцами, с хазарами. Исключением из этого контекста может быть лезгиноязычные народы Северного Азербайджана и Южного Дагестана.

В частности, Баладзури в книге «Китаб фатух ал-булдан» («Книга завоевания стран») писал, что Салман (арабский завоеватель Закавказья и Южного Дагестана) «переправился через реку Курр (река Кура), занял Кабалу и заключил с владельцами Шаккана и владельцем Каминарана мир, с условием платить подати. Такой же мир заключили с ним (Салманом) жители Хайзана и царь Ширвана, и остальные цари гор, и жители Маската и ад-Шабиране, и города ал-Баб (Дербент)» [5, с. 27].

Здесь речь идет об арабской экспансии в середине VII века, когда завоеватели огнем и мечом подавляли сопротивление некоторых народов, особенно хазар, ко-

торые отказывались подчиняться захватчикам. И здесь, прежде всего речь идет о хазарах. Процесс исламизации местных народностей по этой причине продолжался веками. Аналогичное положение сложилось во всех завоеванных странах – Византии, Персии, Средней Азии, Северной Африке и т. д. Когда речь идет о завоевании Дагестана арабами, то здесь необходимо оговорится. Дело в том, что сами коренные народы, в частности южные народы: лезгины, рутульцы, табасаранцы, кайтагцы, то эти народы не могли оказывать арабским полчищам какого-либо серьезного сопротивления, многие сдались на милость победителя, как свидетельствуют исторические материалы. Но захватнических планов арабов меньше уделялись на эти народности. Их главная цель – это овладение Дербентом – наиважнейшим военно-стратегическим центром Кавказа. ??? Но там тогда не жили ни лезгины, ни табасаранцы, ни даргинцы, ни лакцы или аварцы, даже живущие ныне азербайджанцы. В тот период Дербент находился во власти хазарского каганата. Фактически война за Дербент – это не война арабов с дагестанцами, а точно война с хазарами. То побеждали одни, то другие. Город неоднократно переходил из рук в руки до окончательной победы арабов. Только после разгрома Мерваном хазарского влияния здесь арабы серьезно взялись за исламизацию Дагестана. Форпостом их стратегических планов, как мы отметили, был город Дербент. Современный автор доктор Рахман о завоевании Дербента пишет следующее: «Продвигаясь на север вдоль окраины восточных районов бывшей Персидской империи, арабы подчинили себе Закавказье, достигнув в 653 году укрепленной пограничной Сасанидской крепости Дербент, которую они называли Баб-аль-Абваб («врата в рай»). Этому завоеванию, самому по себе не столь значительному в глобальных масштабах арабской экспансии, суждено было стать судьбоносным с точки зрения мусульман современной России и в особенности – Дагестана. Дербент долго оставался опорным пунктом по защите Халифата от вторжения враждебных ему хазар... К северо-западу от города была выстроена система укреплений, в которых поселились сирийцы и иракцы, активно проповедовавшие ислам» [6, с. 85]. Для дагестанского населения арабы вначале были обычными иноземными поработителями, захватчиками. Дагестанцы с оружием в руках поднялись против них, чтобы бороться за свою свободу и независимость. Это вполне естественный процесс общего характера.

На обыденном уровне некоторые ошибочно полагают, что наши горцы приняли ислам добровольно, став муслимами с первых же дней появления арабских завоевателей на территории Дагестана. Факты исторического процесса исламизации горцев ярко свидетельствуют веками о том, что он был длительным многоэтапным. На одних этапах исламизация в Дагестане не проходила насильственно, под давлением внешних сил, а с конца XIV в., она проходила в более спокойном русле. «Однако прежнее представление о массовом обращении покоренного населения в ислам уже при первых халифах следует признать преувеличенным, – отмечал профессор Е.А. Беляев. – На самом же деле исламизация иноверческого населения в халифате была длительным процессом, который в ряде стран Арабского Востока не завершился и поныне» [7, с. 152]. Поэтому не следует обращать серьезное внимание на мнение мусульманских и других идеологов, которые говорят о триумфальном шествии мусульманской религии по миру, якобы без всякого сопротивления и борьбы. В частности, речь идет о современном известном пакистанском крайне радикальном авторе Ал-Маудуди, который, идеализируя арабскую экспансию, пишет: «Когда армия (мусульманская) входила в завоеванный

город и проходила по его улицам, женщины этого города, наряженные в самые красивые и соблазнительные одежды, стояли на балконах, наблюдая за шествием войск. Однако ни один из этих героических воинов и не пытался поднять головы, чтобы мельком взглянуть на них» [8, с. 11]. По идее автора, весь первый этап завоевания стран проходил на мирной основе, без всякой борьбы. Правда, ислам в первые века своего возникновения распространялся за пределами Аравии довольно успешно. Эти успехи некоторые авторы объясняют чисто субъективными причинами, т. е. потенциями, заложенными в самой природе новой религии. Однако эти успехи были результатом особых объективных условий и субъективных факторов. Прежде всего, в основе этих грандиозных событий лежит целый комплекс факторов экономического, социального и духовного развития той исторической эпохи, на анализе которых необходимо остановиться хотя бы в общих чертах.

Большую роль в этом процессе сыграли внутренние успехи халифата. Как уже было сказано, в начале VII в. здесь шел процесс разрушения старых родоплеменных, кровнородственных связей и возникновения новых классовых отношений, которые сыграли прогрессивную роль в истории арабов. Народные массы были заинтересованы в разрушении старых форм отношений между членами общества, в объединении разрозненных племен в общеарабское государство, которое бы прекратило постоянные междоусобицы. Объединение всех арабских племен в национальное государство открывало еще одну перспективу – оно положило конец агрессивным неоднократным акциям против арабских племен со стороны Византии, Персии и Эфиопии.

Кроме того, важную роль в успешном распространении ислама сыграли его эгалитарные лозунги: «Все мусульмане – братья», «Все мусульмане равны перед Аллахом» и т. д., которые, бесспорно, импонировали народным массам, их умонастроениям. Они полагали, что новая религия откроет перед ними широкие возможности для лучшей жизни. (В этом отношении важнейшее значение имело и освобождение шифитов от подушной подати). И в какой-то мере их надежды оправдались – завоеватели принесли облегчение, что явилось одной из причин успешной внешней экспансии арабов.

Все эти социально-экономические и духовные факторы в конечном итоге способствовали образованию мощной монолитной ударной силы, которая смогла осуществить триумфальную внешнюю экспансию.

Указывая на эти особенности завоевания соседних стран, Грюнебаум пишет: «Множество факторов способствовало поразительным победам арабов: мобильность отрядов, сражавшихся на внутренних границах, и использование верблюдов, что позволяло арабам быстро перебрасывать войска в нужное место; недостаточная координация персидской обороны, которой руководили независимые и разобщенные правители... Свои моральные стимулы она (мусульманская община) выводила из Корана, из призыва сражаться с неверными. Кроме того, часто забывают, что каждый мусульманин был солдат, что Медина фактически имела в своем распоряжении вооруженный народ, тогда как у византийцев и персов в военных действиях принимали участие профессиональные армии, сформированные на основе воинской повинности, а это означало, что войны длились дольше и стоили дороже» [9, с. 51].

После образования халифата складываются реальные факторы центробежного характера для начала крупномасштабной внешней экспансии и вскоре она началась. Ещё раз придется подчеркивать главной целью арабских захватнических

войн не составляло обращение всех покоренных народов в мусульманство, а подчинить их своей власти и обложение данью, захват их имущества и т. д. Иногда отдельные авторы и, прежде всего мусульманские, ошибочно считают, что главной целью мусульман обращение немусульман в ислам. Особенно это относится к людям Писания (христианам и иудаистам). В покоренных арабами странах иудеи и христиане сохранили свою конфессиональную партикулярность с незначительными ограничениями, но были обязаны уплатить налог (джизия) мусульманским правителям за покровительство. Об этом свидетельствуют такие факты как люди Писания в завоеванных восточных провинциях Византийской империи (Ливана, Сирии). Копты Египта, армяне и грузины платили налог, при этом сохранили свою религиозную принадлежность.

Арабские завоеватели были заинтересованы, прежде всего, в политическом и экономическом подчинении покоренных народов, чем ее прозелитизме. Но для достижения этих целей необходимы были соответствующие реальные факторы, и эти силы сложились при первых халифах (Рашидун ал Хулафа).

Теперь взоры мусульманского движения были обращены на богатые соседние районы Византии, Персии, Египта и др. Перед Мухаммадом и его сподвижниками возникли проблемы идеологического оправдания завоевательных походов, и в исламе появляются новые идеи, объясняющие захватнические войны как выполнение мусульманами их божественной миссии. В отличие от мекканского и начала мединского периодов ислама, когда Мухаммад, его соратники и последователи (мухаджиры и ансары) выступали только против арабского язычества и требовали, рядом с иудаизмом и христианством, места под солнцем для новой религии. В конце мединского периода в связи с укреплением позиции уммы мусульманские лидеры, прежде всего, изгнали иудеев из Медины и начали выступать с идеями мирового господства ислама и даже приступили к их реализации. Может быть, вначале эти идеи еще не были осознанными в теоретическом отношении, но, тем не менее, ход исторических событий в Аравии включал их в повестку дня. Практически они получают свою реализацию сразу же после смерти Мухаммада, когда уже сложились соответствующие благоприятные объективные условия для начала завоевательного движения. При халифах Абу-Бакре и Умаре процесс объединения всех арабских племен в единое государственное образование был почти завершен. Халиф Умар не только закончил объединение арабских племен, но и вышел далеко за пределы Аравийского полуострова. Мухаммад и последующие халифы, вначале считавшие своей конечной целью консолидацию арабских племен в единое централизованное государственное образование под знаменем ислама, теперь, в новой обстановке, внесли важнейшие коррективы в свои планы в отношении дальнейшего развития уммы. После укрепления своих социально-экономических позиций и военной мощи они стали считать, что создание халифата в пределах Аравийского полуострова является только началом всех начал.

Создавшаяся внутренняя сплоченность открывала новые перспективы для завоевания соседних стран, прежде всего это богатство соседних стран, расширение власти над ними. Но эти перспективы надо было подкрепить новыми идеями о том, что сам Аллах возложил на мусульман величайшую миссию: создание мирового мусульманского государства под началом последователей «истинной веры». Мусульмане должны были восстановить мировой порядок, установленный Ибрахимом (Авраамом) и нарушенный отступниками от истинного пути.

Мухаммад в условиях новой исторической ситуации в мединских аятах Корана получает санкцию от Аллаха для выполнения своей планетарной пророческой миссии на основе новых изречений: «Мы послали тебя только как милость для миров» (XXV, 107), «напоминание для миров» (XII, 104) и др. Правда, в Коране есть и такие аяты, в которых более конкретно говорить о посланнической миссии ко всем народам. В частности, в VII суре аят 157 говорится: «Скажи: «О люди! – Я посланник Аллаха к вам всем»; «И мы послали тебя только ко всем людям вестником и увещателям, но большая часть людей не знает» (XXXIV, 28). Хотя в этих и других аятах Корана нет четкости в определении планетарных обязанностей Пророка, однако это не помешало мусульманским теологам создать специальную теорию, оправдывающую свою завоевательную политику арабов. В разработке подобной концепции, надо отдать им должное, они преуспели в ее формировании и логической аргументации, в превращении в единую мусульманскую идею.

Теперь коранические намеки о планетарной миссии пророка новый импульс. Сподвижники Мухаммада главное место в своей деятельности уделяют проблемам внешней экспансии. Ислам в данном случае вполне закономерно стал выполнять свою идеологическую функцию оправдания мусульманских завоевательных войн.

Надо отметить, в историческом процессе и тогда и поныне вообще не бывает войн без специального идеологического их подкрепления, без образа врага, – будь они локальные, межгосударственные или мировые.

По всей видимости, идеи всемирной пророческой миссии Мухаммада получили особое распространение в исламе после ряда успешных военных походов Мухаммада и особенно его сподвижников. Теперь ведущей тенденцией в исламе выступает проблема внешней экспансии. В какой-то мере арабские захватнические войны схожи с завоевательными войнами Александра Македонского, который мечтал больше о подчинении покоренных народов, чем их эксплуатации и рабстве и т. д. Арабские завоеватели тоже ставили аналогичные задачи подчинения своей власти других народов, а не их обращение в ислам неверных, т. е. не распространение веры, сколько сферы её господства, которая является сферы господства Аллаха. При этом завоеватели к данной проблеме подходили избирательно, т. е. от исторических обстоятельств.

В начальный период своей деятельности Мухаммад в Мекке шел к выполнению своей миссии лишь с помощью проповеди, увещаний и уговоров, страхами конца Света, запугивания эсхатологическими идеями. В этих условиях активность распространения новой религии выражалась исключительно в проповеднической деятельности, а суры Корана отражали мирный пафос ислама. В тот период главный девиз ислама составлял: «Не столько убивает меч, сколько слово». Мухаммад тогда действовал с учетом конкретной ситуации в арабском обществе. На эту особенность эволюции мекканских идей ислама обратили внимание его исследователи. Так, академик В. Бартольд по этому поводу писал: «В Мекке Мухаммад не был ничьим повелителем, призывая людей к покаянию, вере и деятельной любви, он мог взывать только к их доброй воле: естественно, что в мекканских сурах учение об обязанностях и ответственности человека преобладает над учением о всемогуществе божьем» [10, с. 417].

Совершенно иную картину мы видим в мединский период ислама после образования мусульманской общины, когда Мухаммад из проповедника новой веры превратился в главу теократической государственной организации, которая в военном отношении внушала страх неверующим и инаковерующим своей сплочен-

ностью и организованностью. Эти изменения в социально-экономической структуре привели к возникновению новых коранических идей, к трансформации первоначальных мирных идей ислама. В мединский период ислам, расширяя сферы своего влияния, переходит от ислама отступающего в ислам наступающий, от мирных проповедей, характерных для мекканского периода, к насильственным методам насаждения ислама не только среди язычников-арабов, но и за пределами Аравии. Из мирной религии он постепенно превращается в воинствующую религию. Экономическая база для такого перехода уже сложилась, а теперь завоеватели нуждались в божественном повелении.

«Десяти лет, прошедших от прибытия Мухаммада в Медину (622) до его смерти (632), оказалось достаточно, чтобы превратить учение религиозного мирного и социального реформатора в религию, объявившую наступательную войну всему миру» [11, с. 417].

В исламе появляется один из его феноменов – концепция о джихаде, о планетарной миссии Мухаммада и его последователей. Возникновение концепции джихада – это не какая-нибудь акунденция, а явление востребованное, сложившимся реалиями, в мединский период перед мусульманской общиной. «Отношение ислама к войне и миру, – пишет исламовед А. Сагадеев, – выражено в учении о джихаде. Обычно этот термин переводят как «священная война» – то есть война в религиозных целях, во имя религии. Однако такое толкование, неверно уже хотя бы, потому что любая война, которую вела мусульманская община, была священной, ибо в ней мирское «формально не отделялось от религиозного»... Далее он объясняет, что «джихад» на арабском языке обозначает вовсе не войну, а «старание», «напряжение усилий». На русский язык это слово лучше было бы перевести как «борьба»: джихадом, так же, как и борьбой, могут быть названы действия военного и совсем невоенного характера [12, с. 18]. В частности, главный муфтий Египта Шельтут в шестидесятых годах объявил джихад своим верующим в период строительства Ассуанской гидроэлектростанции для ускоренного ее завершения и сдачи в эксплуатацию. Он даже временно освобождал строителей от соблюдения поста в месяц Рамадан, чтобы скорее завершить строительство станции. Подобных примеров можно привести еще.

Однако мы джихад в одном контексте рассматриваем только в аспекте священной войны, т. е. «джихад меча», «джихад сердца», «джихад руки», «джихад языка» и т. д. В данном случае речь идет только об одном джихаде, о джихаде ас-сайфе, связанном с завоевательными войнами арабов, преследовавшими, как было отмечено, цели подчинения немусульман мусульманской власти, а не обращения всех покоренных народов в ислам: христиане, иудеи, копты, грузины, армяне и др., сохранили свой конфессиональный партикуляризм, лишь платили налог.

«В исламе есть понятие «джихада», «священной войны», – пишет бывший верховный муфтий России шейх уль-ислам Талгат Тажуддин. – В первую очередь под этим понимают «аль-джихад-уль-Кабир», Великую войну, которую каждый верующий мусульманин должен вести внутри самого себя против, своих пороков, невежества и зла. Священная война ведется против всех, кто несет в мир насилие и зло, кто отрицает веру истину, насаждает ложь, жестокость и нетерпимость, кто стремится противопоставить народы, лишить их свободы. Примером настоящего джихада была для мусульман Великая Отечественная война против нацистских оккупантов [13, с. 26]. Автор слишком расплывчато толкует о джихаде, по его

рассуждениям, мусульмане находятся в состоянии постоянного джихада. Так не бывает.

Войну за веру (священную войну *джихад*) Мухаммад и его последователи возводят в ранг выполнения божественной миссии, подкрепленной авторитетом Аллаха. Если первые мусульмане, как свидетельствует Коран, объявили джихад и газават против арабских многобожников, то после смерти Мухаммада подобные войны за веру велись против соседних стран и народов: персов, египтян, берберов, народов Кавказа, Средней Азии и др., и в отдельных исторических условиях приобретали исключительное значение в мире ислама как выполнение мусульманами священной небесной миссии. Идеи джихада в последующие периоды наполняются новым социальным содержанием. Первоначальный девиз «Нет принуждения в религии» (II, 257). Теперь у него появляется другой девиз: «Сражайтесь на пути господнем» (II, 245). Джихад становится идейным оправданием самых обыкновенных захватнических или оборонительных войн, в основе которых лежали экономические, социальные и политические мотивы. «Джихад (война за веру), – пишет академик Бартольд, – был, прежде всего, источником материальных благ. Слова Корана о борьбе с неверными и райском блаженстве, ожидающем павшего в бою, должны были вызвать также религиозное воодушевление, без которого были бы немыслимы блестящие успехи мусульманского оружия, но это воодушевление явилось позже и прошло быстрее, чем думает большинство писавших об исламе» [14, с. 400]. Лозунги джихада и призывы Корана к священной войне против неверных явились как бы внешней оболочкой, которую легко обнаружить, но истинная сущность войн за веру заключалась совершенно в другом – в материальных выгодах.

Таким образом, в истории арабов произошли коренные социально-экономические изменения, которые в свою очередь, создали объективные условия для развертывания внешней экспансии. Эта экспансия проходила под зеленым знаменем ислама, который выступал в качестве ее идейного оправдания, как выполнение трансцендентальной миссии Мухаммада. В мире ислама появилась особая концепция джихада с непосредственными ссылками на Коран и на мусульманское предание, и начался период исключительной апологетики джихада в мусульманской теологии.

Согласно концепции джихада, весь мир был разделен на «*область ислама*» – *дар-ал-ислам* и *область войны* – *дар-ал-харб*. К первой категории относятся страны, находящиеся под властью мусульман, ко второй – «неверных» правителей. «Область ислама» теоретически всегда должна находиться в состоянии вечной войны с «дар-ал-харб». В исключительных случаях ислам допускает временное перемирие на срок до десяти лет. Кроме этих двух категорий стран некоторые мусульманские факихы выделяют еще одну категорию земель: «*область мира*» – *дар-ал-сульх*. Это такие земли, которые не принадлежат мусульманам и не управляются ими, но правители их считают себя вассалами мусульманских государств и платят за это определенную дань. Таким образом, в Коране, особенно в мединских сурах (II, 149, 186, 212, 213, 215, XXII, 77 и др.), война за веру вменяется в обязанность последователей ислама как священная. «И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами, но не переступайте, поистине, Аллах не любит переступающих» (II, 186). В мире ислама постепенно сложилась целая концепция о джихаде, в котором предусматривались способы ведения этой войны. Отдель-

ные крупнейшие те ислама предлагали считать «джихад» шестым столпом мусульманского вероучения.

Отдельные представители теологической мысли ислама ставили вопрос о дополнительном включении джихада в качестве парадигмы пяти столпам вероучения ислама.

Война против иноверцев, самое последовательное и активное участие в ней поощряются божественной благодатью на этом свете, а если мусульманин погибает в этой войне, то на том свете Аллах его награждает райским блаженством. В Коране (II, 149, 163–164 и др.) говорится, что мусульмане, погибшие на войне за веру, не считаются мертвыми. «И никак не считайте тех, которые убиты на пути Аллаха, мертвыми. Нет, живы! Они у своего Господа получают удел» (III, 163). Один из крупнейших толкователей Корана шейх Абдар-Рахман бин-Насир ас-Сади (1307–1376), считает исключительным благодеянием участие в священной войне на пути Аллаха. Он пишет: «Джихад – это самый славный обряд поклонения, который совершается телом, и самый тяжелый обряд поклонения для человеческой души, поскольку он сопряжен с гибелью и расставанием мирской жизнью» и далее автор продолжает: «И поэтому Всевышний сообщил, что если человек сражался на пути Аллаха, для того чтобы прославилось на земле Слово Господне и восторжествовала Его религия, если он не имел корыстных целей и погиб на священной войне, то он не расстается с жизнью, которая так мила ему. Напротив, он приобретает новую жизнь, которая прекрасна и совершенна, что превосходит все ожидания» [15, с. 169]. Продолжая эту идею ас-Саиди, описывает жизни погибших душ за веру попадают в рай, где они наслаждаются бесконечными его прелестями и т. д. Таким образом, шахиды после своей гибели получают величайшую награду попадают в рай.

Эти идеи священной войны ас-Саиди конкретизируют в аяте 216, той же второй суры, сражаться на пути Аллаха является обязательным порядком, что до Медины, численность мусульман была незначительная, они были слабые, но после хиджры их численность возросла, укрепилась их мощь и, тогда Всевышний приказал им сражаться с неверующими и сообщил, что человеческой душе неприятно участвовать в боевых действиях, поскольку война сопряжена с большими трудностями и тяготами. Она подвергает людей опасности и влечет за собой много смертей. Но, несмотря на это, священная война является абсолютным благом, потому что приносит правоверным огромную награду, избавляет их от мучительного наказания, позволяет им одолеть врагов и завладеть трофеями, приносить им много другой пользы, которая во много раз превосходит ее отрицательные стороны» [16, с. 247–248]. Более того, в войне с неверными мусульмане должны забыть о своих мирских делах, целиком и полностью отдаться борьбе за веру. Напротив, Коран осуждает пассивных правоверных за их индифферентное отношение к борьбе с инаковерующими, за отказ или отстранение от такой борьбы: «Всем обещал Аллах благо (мусульманам), а усердствующим Аллах дал преимущество перед сидящими в великой награде» (IV, 97). Отказ от джихада считается великим злом, потому что такие мусульмане лишаются Божьей поддержки и позволяют врагам одержать верх над исламом и его приверженцами. Они обрекают себя на унижение и бесчестие, лишаются огромного вознаграждения и удостоиваются лютой кары [17, с. 243]. В этом выражается высший идеал мусульманина в божественной инстанции. Подобная идеализация личности каждого в отдельности активного участника джихада в Коране послужила причиной возникновения в мире ислама в

определенные периоды истории крайнего фанатизма, нетерпимости к инаково-верующим, веры в исключительность мусульман и т. д. Даже в наши дни в мусульманском мире не мало случаев, когда фанатично настроенные исламские террористы надевают черные поясы так называемых «шахидов», совершают террористические акты, связанные с гибелью ни в чем не повинных людей. Это феноменальное явление характерное для ислама. Однако к концепции джихада нельзя подходить как вечному зову мусульман к джихаду на все времена, как тотальная война против иноверцев. Постулаты джихада появились в Мединских сурах Корана, и они были востребованы реалиями своей эпохи. Отметим еще один из важнейших парадоксов, касающийся учения о джихаде, который по своей сущности никак не совместим с общими канонами ислама. Известно, что ислам категорически запрещает мусульманину убивать мусульманина. Эта идея как основополагающая вытекает из Корана, особенно из изречений Мухаммада. Идея джихада меча направлена против инакововерующих, т. е. немусульман. Но история мусульманских стран полна примеров, когда сами мусульмане воевали друг против друга под лозунгами джихада. Первый пример в этом плане подали халиф Али и наместник Муавий: каждый из них в битве при Сиффине призывал к священной войне – джихаду один против другого. Такими пророками полна не только история халифата, но и последующая история мусульманского мира, вплоть до наших дней. Самый последний наиболее значительный пример – война между Ираком и Ираном, которые каждый объявил джихад друг другу, шахиды были с той и с другой. Ирак развязал кровавый конфликт под лозунгами, взятыми из вероучения ислама. Находились идеологи с той и другой стороны, которые ссылками на ислам пытались обосновать преступную деятельность правителей. Эти примеры еще раз свидетельствуют о том, что религия, в том числе и ислам, является не чем иным, как отражением в сознании людей происходящих в обществе глубинных объективных процессов. Несмотря на девиз «все мусульмане – братья», эти «братья» так же убивают друг друга, как, впрочем, и в лоне других религий. В христианском мире тоже происходили подобные священные войны, участники которых прибегали к таким же каноническим лозунгам, вроде «Все братья во Христе» и т. д. Следовательно, такие парадоксы религиозного сознания, в том числе в исламе, имеют иные объективные предпосылки, обусловленные иными причинами, к проявлению которых религия имеет косвенное отношение. Именно на почве социально-политических обстоятельств и происходит дуализм религиозного сознания.

Мухаммад в последние годы своей жизни не только приступает к практической реализации своих планетарных идей, но и вместе с тем завещает своим сподвижникам довести его божественную миссию до конца. Указывая на этот тезис, И. Гольдциер писал: «И предпринятые тотчас после его смерти завоевания, выполненные людьми, ближе других знакомыми с его намерениями, несомненно, служат лучшим комментарием его собственной воли» [18, с. 27].

Однако было бы неверно утверждать, что Мухаммад и последующие халифы, завоевывая соседние африканские и азиатские страны и покоряя другие народы, руководствовались исключительно религиозными мотивами, т. е. обращением немусульман к мусульманской религии. Подобное стремление, бесспорно, было у Мухаммада и его сподвижников, особенно в начале мусульманского движения. Однако главное заключалось не в обращении неверных и инакововерующих в ислам, а в том, чтобы распространить сферу экономического и политического влияния арабов на другие народы. Нельзя не согласиться с мнением известного анг-

лийского исламоведа У. Уотта, который пишет: «Целью джихада в этом случае (при завоевании других стран) становилось не обращение жителей в ислам, а подчинение их мусульманским порядкам при статусе покровительствуемых... Таким образом, джихад вел к военной экспансии мусульман, но не к прямому обращению в ислам» [19, с. 25]. Покорение других государств и стран арабские завоеватели проводили под флагом ислама как выполнение завещания Мухаммада, его общечеловеческой пророческой миссии. В действительности же это были захватнические обогащения за счет покоренных народов, а не чисто мусульманскими. Лучшим подтверждением этому является история Арабского халифата в течение многих веков.

Военные походы против соседних стран, как правило, при сопротивлении сопровождались грабежом имущества покоренных народов, обращением их в рабов и созданием невольнических рынков, как это имело место в Древней Греции и Римской империи. «Обращение пленных в рабство также явилось одним из средств обогащения арабской родовой аристократии. Увеличение числа рабов за счет коренных жителей населенных пунктов (особенно тех, которые оказывали вооруженное сопротивление завоевателям) было одним из наиболее распространенных методов установления арабского господства» [20, с. 27]. В Коране появляется специальная VIII сура «Добыча», в которой речь идет о военной добыче и о порядке ее раздела. Это могли быть драгоценности, скот, пленники обоего пола, и делить их нужно было между участниками походов так, чтобы заинтересовать впоследствии. Поэтому арабские полководцы часто перед сражением читали как гимн суру VIII Корана и тем самым возбуждали боевой дух у своих воинов. Более того, когда границы халифата при Умаре и других халифах распространились далеко за пределы Аравии и под властью мусульманского государства оказались многие народы, завоеватели в известных случаях были заинтересованы не столько в обращении покоренных народов в ислам, сколько в обложении их данью. Это, прежде всего, относится к христианам и иудеям, т. е. «людям Писания» (ахл-ал-китаб): «... шариат считает последователей христианской и иудейской религий стоящими ближе к «истинной» вере, чем язычники и огнепоклонники, но на ступень ниже по сравнению с мусульманами, а мусульманский пророк именуется венцом и печатью пророков (хатим ал-анбия)» [21, с. 256].

Дань (джизийа), получаемая с немусульман, стала одной из важнейших статей казны халифов. Неверующие, признающие себя побежденными и подданными мусульманского государства и уплачивающие джизийа, составили особую категорию людей. Из таких лиц в мире ислама образовалась особая прослойка *ахл-ал-зимми*. Они пользовались определенными льготами: мусульманское государство их защищало, охраняло имущество, они пользовались автономией при исполнении культовых обязанностей, имели своих служителей культа, мусульмане к ним относились веротерпимо, хотя неверующие не пользовались политическими правами и были ограничены в гражданских правах. На определенных этапах истории Арабского халифата завоеватели больше были заинтересованы в том, чтобы «люди Писания» платили налог, а не просто переходили в ислам. Особенно неблагоприятно смотрели на исламизацию немусульман при умейядских халифах, ибо это приводило к значительному уменьшению доходов в казну. Современный английский исламовед У. Уотт, указывая на нежелание мусульманских правителей обращать немусульман в ислам, пишет: «До 700 г. переход неарабов в мусульманство не поощрялся центральными властями халифата. Иногда даже, чтобы избежать

потери доходов из-за перехода в ислам налогоплательщиков (ведь мусульмане освобождались от подушной подати), принимались меры, дабы затруднить желающим выход из их прежних религиозных общин» [22, с. 81]. Однако нельзя полностью согласиться с этим выводом автора как доминирующим во всех случаях. Завоеватели подходили к решению этой проблемы избирательно, в одних случаях они проявляли интерес к обращению немусульман-язычников, огнепоклонников и др. в ислам. В других случаях, облагая их джизией искусственно, особенно иудеев и христиан, мешали процессу мусульманизации «людей Писания».

Следует заметить, что внушение последователям ислама мыслей о выполнении ими божественной миссии придавало их действиям исключительный динамизм, энтузиазм и воодушевление, что наряду с другими объективными факторами сыграло важную роль в успешном распространении ислама в странах Азии, Африки и частично Европы.

Гегель, указывая на эту характерную черту ислама, писал: «Никогда энтузиазм как таковой не совершал столь великих подвигов. Индивидуумы могут восхищаться возвышением во многих формах: и у энтузиазма народа, внушаемого ему стремлением к независимости, еще оказывается определенная цель, не абстрактное и в силу этого всеобъемлющее, ничем не сдерживаемое и нигде не находящее себе предела, ни в чем не нуждающееся воодушевление свойственно магометанскому Востоку» [23, с. 338]. Нельзя полностью отрицать роль религиозного энтузиазма в арабских захватнических войнах, хотя фанатизм и не выступает в качестве определяющего фактора, но его влияние в определенные периоды истории Арабского халифата было значительным.

Важную роль в воодушевлении религиозного массового сознания мусульман сыграл фанатизм. Фанатизм – один из важнейших догматов авраамических религий, согласно которому жизнь и поступки человека предопределены волей бога. В исламе этот догмат считается стержнем его вероучения. Это больше всего проявляется в суннитской теологии. Мусульманские воины были воспитаны в духе фатализма. Фанатизация сознания и психологии мусульманских воинов длительное время поощрялась чрезвычайными материальными выгодами и гарантиями пребывания в раю после смерти. Указывая на этот феномен религиозного сознания, Г.В. Плеханов писал: «Фанатизм... в известные эпохи был психологической основой такого действия (энергичного). В доказательство сошлемся на пуритан... и на последователей Магомета, в короткое время покоривших своей властью огромную полосу земли от Индии до Испании» [24, с. 30]. Особенно это относится к первым десятилетиям успешных мусульманских завоеваний, при правлении династии Омейядов, когда последователи ислама были убеждены в том, что они выполняют божественную миссию. Религиозный энтузиазм в период арабской агрессии в истории халифата выступал в качестве одного из субъективных важнейших факторов, способствующих успешному проведению военных операций. Он служил идейным оружием для достижения главной цели мусульманской экспансии за пределами Аравии – экономического и политического господства над другими народами. В течение многих десятилетий, воинам ислама малочисленными силами и слабой техникой приходилось сражаться с противниками, материально более могущественными и превосходящими в численности. Именно в самоотверженности, презрении к земным благам, вере, которая «переворачивает горы», нужно искать объяснение победе...

Религиозные верования, преклонение перед родиной, жажда независимости могут быть рассмотрены с исторической точки зрения, как продукты воображения, как бесплодные и напрасные иллюзии. Но никакая реальность не была более могущественной, чем эти несбыточные мечты... Именно искренность веры, бескорыстный энтузиазм, пожирающее пламя убеждения порождают самый высокий героизм и самоотверженность. Воины халифата были до глубины души убеждены, что они выполняют миссию, предопределенную свыше. Выдающийся юрист Абу-Юсуф (713–798), последователь мазхаба Абу-Ханифы и Верховный судья халифата при халифах ал-Махди, ал-Хади и Харун-ар-Рашиде в какой-то степени определяет, ссылаясь на предание, сущность джихада в работе «Китаб-ал-харадж» («Книга о харадже»): «Затем рассказывается о походе Халида в Ирак. Перед Хирой он говорит: «Я приглашаю вас признать Бога и ислам: если вы это сделаете, то у вас будут такие же права и обязанности, как и у мусульман; если же вы откажетесь, то уплатите нам поголовную подать, если же откажетесь, то ведь я пришел к вам с людьми, для которых смерть желательнее, нежели для вас жизнь». На такой ультиматум Халида жители города Хиры ответили заключением мирного договора о том, «что они будут платить поголовную подать, что ни храмы, ни церкви, ни замки их не будут разрушены, что жители города обязаны также поить и кормить прохожих мусульман дозволенной пищей и питьем в течение трех дней» [25, с. 132].

Это обращение Халида к жителям Хиры свидетельствует о главных тенденциях завоевательной политики мусульманских халифов. В другом месте своей книги «Китаб-ал-харадж» Абу-Юсуф определяет основные цели джихада и, ссылаясь на непогрешимый авторитет халифа Умара, приводит слова, якобы высказанные им: «Подлинно мусульмане, пока живы, живут за их (покоренных народов) счет, а когда погибнем мы и погибнут они, то наши дети будут жить за счет их детей и так до окончания веков».

Как уже было сказано выше, если вначале в теории джихада доминировали идеи обращения неверующих в мусульманство, то затем, после достижения определенных внешних целей, халифы больше были заинтересованы в обложении их данью. Это было нужно для укрепления экономического могущества халифата. Французский востоковед А. Массэ писал, что «... исламизация покоренного населения вызвала постепенное прекращение уплаты хараджа, ... например, за период от Усмана до Муави доход от податей, получаемых с Египта, уменьшился вдвое вследствие обращения в ислам» [26, с. 64].

Убедившись в том, что увеличение числа мусульман в покоренных странах путем обращения народов в ислам приводило соответственно к уменьшению налоговых поступлений в казну, Умейяды стали препятствовать исламизации. Арабские халифы беспощадно угнетали не только покоренные народы, но и самих мусульман, облагая их непомерно тяжелыми налогами. Мировой Арабский халифат по социально-экономической структуре значительно отличался от арабского государства первых лет его существования. В мусульманской общине Мухаммада произошла резкая имущественная дифференциация на богатых и бедных. Завоевания арабами соседних стран, захват рабов и богатой добычи привели к выделению богатой касты из числа прежних арабских военачальников – «сподвижников пророка». Они стали обладателями фантастического количества богатств: рабов, земельных угодий, золота и других ценностей. Как свидетельствуют сами арабские авторы Ибн-Саад, Йакуби (ум. 897), Ибн-ал-Асир (1160–1234) и др., «спод-

вижнику пророка» Абд-ар-Рахману ибн-Ауфу принадлежало 30 тыс. рабов; Муавия ибн-Абусуфьян, впоследствии халиф, на своих полях и садах в одном только Хиджазе эксплуатировал 4 тыс. рабов; наместник Басры Мугира ибн-Шуба требовал от своих рабов-ремесленников, поселенных в Медине и других местах, по два дирхема ежедневно [27, с. 110]. Однако следует отметить, что рабство в халифате не достигло такого классического расцвета, какое оно имело место в рабовладельческих обществах Древнего мира, в частности, в Греции и Рима. Здесь в отношении к рабам сложились более щадящие условия, иной статус, чем в других рабовладельческих странах мира. Раб был субъектом права. Отпущение раба на волю в шариате предусматривалось как богоугодное дело.

С покоренными народами обычно обращались как с низшими, неполноценными людьми. Это было главной целью предельной территориальной экспансии. При династии Умейядов военная экспансия достигла вершин своего величия, границы халифата простирались от Атлантического океана до Инда, от Каспийского моря до Нильских порогов. В орбите арабской мировой империи оказались самые различные народы, религии, в экономическом и культурном отношении стоящие на самых различных уровнях. В халифате сложилась очень пестрая в социальном отношении структура. Арабские завоевания привели к тому, что арабы-мусульмане оказались в значительном меньшинстве по сравнению с мусульманами неарабами. «Образовался новый класс, многократно превосходящий по численности арабов, был известен как мавали (ед. ч. *маула*); они считались как бы находящимся под покровительством арабов» [28, с. 159]. Такая расстановка сил в халифате создавала определенные проблемы. В частности, стоял острый вопрос о статусе мусульман – неарабов, что они были ограничены в экономической и социальной сферах по сравнению с арабами. Мусульмане неарабы были наравне, но их не освобождали как арабов от налогов, льготы были незначительными! Все это вызвало недовольство у новообращенных мусульман. Халифы понимали, что освобождение их от налогов привело бы к уменьшению поступления доходов в казну. Но в конечном итоге они были вынуждены в какой-то мере поравнять мавали с арабами и тем самым смягчить противоречия внутри халифата.

Таким образом, первые идеи новой монотеистической религии ислама зародившейся в Медине в истории Халифата постепенно трансформировались в целостную идеологическую систему благодаря вкладу выдающихся представителей арабской теологической мысли, кульминационным моментом которого стала время правления халифа Харуна-ар-Рашида (786–809).

Литература

1. Соловьев В.С. Собр. соч. Т. I. – СПб, 1911–1914.
2. Гольдциер И. Лекции об исламе. – 1912.
3. Рахман Х.У. Краткая история ислама. – М., 2003.
4. Ал-Баладзури. Китаб фатух ал-булдан / Пер. П. Жузе. – Баку, 1927.
5. Рахман Х.У. Краткая история ислама. – М., 2003.
6. Беляев Е.А. Арабы, ислам и Арабский халифат в Раннее Средневековье. – М., 1965.
7. Ал-Маудуди. Ислам сегодня. – М., 1992.
8. Грюнебаум Г.Э. Классический ислам. – М., 1986.
9. Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI.
10. Наука и религия. – М., 1986.

11. Угроза ислама или угроза исламу? – М., 2001.
12. *Ас-Сади А.И.* Толкование священного Корана. – М., 2007.
13. *Гольдциер И.* Ислам. – СПб., 1911.
14. *Уотт У.* Влияние ислама на средневековую Европу. – М., 1976.
15. *Керимов Г.М.* Шариат: закон жизни мусульман. – СПб, 2007.
16. *Уотт У., Какиа П.* Мусульманская Испания. – М., 1976.
17. *Гегель.* Соч. Т. VIII. – М., 1935.
18. *Плеханов Г.В.* Избранные философские сочинения. – М., 1956. Т. II.
19. *Медников Н.А.* Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов (по арабским источникам). – СПб., 1903.
20. *Массэ А.* Ислам. – М., 1963.
21. Всемирная история. Т. III. – М., 1957.
22. *Доктор Рахман.* Краткая история ислама. – М., 2002.